

УДК 940

ИМПЕРСКАЯ СИМВОЛИКА ГЕЛЬСИНГФОРСА ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ: РУБЕЖ XIX – XX вв. И ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Е. Ю. Дубровская

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена исследованию городского пространства Гельсингфорса (Хельсинки), столицы Великого княжества Финляндского, как одного из аспектов той реальности, в которой на рубеже XIX – XX вв. и в период Первой мировой войны оказались военнослужащие российской армии и Балтийского флота. С позиций военной антропологии рассмотрены факторы, обусловившие специфичность восприятия «центра» и «периферии» Гельсингфорса российскими солдатами, матросами и их офицерами. Пространство и ландшафт города виделось им особым миром, отчужденным от русского культурного контекста. Несмотря на государственную и имперскую символику столицы Финляндии, военные – выходцы из России – остро ощущали оппозицию «восток/запад» на уровне восприятия символов.

Ключевые слова: городское пространство, финляндская столица, Первая мировая война, российские военные, «центр/периферия», государственная и имперская символика, российская революция 1917 года

E. Ju. Dubrovskaya. IMPERIAL SYMBOLS OF HELSINGFORS THROUGH THE EYES OF RUSSIAN SERVICEMEN: TURN OF THE 20TH CENTURY AND YEARS OF WORLD WAR I

The paper deals with the city space of Helsingfors (Helsinki), the capital of Grand Duchy of Finland, as one of the aspects of the reality common to Russian Army and Baltic Fleet servicemen at the End of 19th – the Very Beginning of the 20th Centuries and during the World War I. Investigation based on the principles of military anthropology throws light upon the factors which caused the specific way of perception of the “center” and “periphery” of Helsingfors by Russian soldiers, sailors and their officers. The city space and landscape was seen by them as a strange world far from Russian cultural context. Despite the State and Imperial semioticity of the capital of Finland the enlisted men, who have come from Russia, felt deeply the opposition between the “East” and the “West” on the level of perception of symbols.

Key words: city space, capital of Finland, World War I, Russian servicemen, “center/periphery”, State and Imperial semioticity, Russian Revolution 1917.

* Статья подготовлена в рамках проекта по созданию междисциплинарного научно-образовательного Центра прибалтийско-финских исследований «Fennica» (Программа стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016).

История русских войск, размещавшихся в Финляндии, восходит к событиям начала XIX века, когда при Александре I Финляндия была отвоевана у Швеции и присоединена к Российской империи, получив статус автономного Великого княжества. Водружение в мае 1808 г. флага с двуглавым орлом над шведской твердыней Свеаборгской крепостью ознаменовало начало «русского» периода финляндской истории. Два столетия тому назад, 12 апреля (27 марта по старому стилю) 1812 г., Гельсингфорс (Хельсинки) был избран Александром I в качестве столицы княжества как город, ближе расположенный к Санкт-Петербургу и, следовательно, более подходящий для этой роли по сравнению с прежней столицей Турку (Або), городом, близким к Швеции и по духу, и географически [Клинге, 2005. С. 50–56; Воспоминание..., 2011. С. 21–27; Расила, 1996. С. 64–65].

С приобретением большой гавани достигалась одна из целей завоевания Финляндии, а с перенесением столицы в Гельсингфорс Россия тверже закрепилась на северном побережье Финского залива. Крепость Свеаборг прикрывала подступы к новой столице благодаря трем глубоким гаваням, береговым и островным укреплениям и батареям. Гельсингфорс обещал превратиться в крупнейшую базу русского флота, что и произошло к началу Первой мировой войны [Башмакофф, Лейнонен, 1990. С. 6–7].

Обращает на себя внимание вопрос о том, какое влияние оказывала имперская символика Гельсингфорса на восприятие российскими военными места прохождения их службы в первые годы войны и в период революционных потрясений 1917 г., а также о том, как в обстановке первых месяцев революции символы прежней власти трансформировались и заменялись новыми.

Цель настоящего исследования – взглянуть на пространство «своего» – «чужого» города глазами российских военных, проследить за стремлением матросов и солдат к символическому освоению этого пространства в обстоятельствах, когда «место» их службы осталось прежним, но изменилось само «время». Это позволяет не только сделать наблюдения над многолетним семиотическим присутствием империи в городской среде финляндской столицы, но и увидеть, как политический переворот сопровождался переворотом символическим, как в новой ситуации ритуализировалось поведение военных.

По наблюдению Ю. М. Лотмана, отметившего «принципиальный семиотический поли-

глотизм любого города», город как генератор культуры и сложный семиотический механизм «может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов», принадлежащих разным языкам и разным уровням. «Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации» [Лотман, 2002. С. 212–213].

«Город, как и культура, – пишет Лотман, – механизм, противостоящий времени», он постоянно заново рождает свое прошлое, «которое получает возможность сопоставляться с настоящим, как бы синхронно», ведь «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [Там же. С. 213].

Такой подход позволяет исследовать финляндскую великокняжескую столицу как особое пространство, как идею, учитывая то обстоятельство, что русское высшее командование беспокоило иностранный характер Гельсингфорса. В годы войны город воспринимался как место особой опасности, центр шпионажа, а отчуждение от русской культуры подчеркивало противостояние жителей Великого княжества и империи.

На страницах романа, посвященного судьбе Балтийского флота во время Первой мировой войны, писатель-маринист Леонид Соболев, один из последних выпускников Морского кадетского корпуса, описывает город таким, каким увидел его, прибыв в Гельсингфорс для прохождения службы в канун военных событий. Правда, не в маскулинном воплощении, как обычно представлялась приехавшим главная военно-морская база российского флота на Балтике, а в женском облике, более соответствующем образу Хельсинки – дочери Балтийского моря – в восприятии самих финнов.

«... Гельсингфорс стоял на граните своих набережных у тихой воды рейдов аккуратно и чистенько, как белокурая крепкая фрёкен в крахмальном переднике у кафельной плиты над тазом теплой воды: чистый, неторопливый, хозяйственно-удобный город. Зеленые трамваи катились, как игрушки. Витрины каждого магазинчика миниатюрно-солидны, а на Эспланаде они размахивались во всю стену, и тогда солидность их граничила с роскошью, и в них беспошлинные иностранные товары. Беспешность

автомобилей равна молчаливости их шоферов. Полицейские на перекрестках – в черных сюртуках, вежливы, неразговорчивы и подтянуты. Шведские и финские надписи на вывесках, на трамваях, на табличках с названиями улиц, белокурые проборы и локоны, розовые щечки молодых людей и девушек, марки и пенни сдачи заставляли чувствовать себя в иностранном городе. Даже часы – и те отличаются на двадцать минут от петербургского времени: здесь время свое, не российское.

В двенадцати часах езды от столицы Российской империи стоит на голубом граните скал иностранный город, и время в нем – не российское» [Соболев, 1977. С. 12–13].

Первоначально войска располагались в островной крепости Свеаборг, откуда в первой половине XIX в. и началось «освоение» пространства города [Погребов, 2011. С. 108–116]. Затем рядом со Свеаборгским портом на острове Скатудден (Катаянокка) появились морские казармы. Под влиянием Петербурга город виделся его строителям и как морской порт России, и как «военная столица» княжества, и как центр административного управления. Идеал военной столицы, обуславливавший ее претензии на олицетворение имперской власти в Финляндии, требовал, чтобы, подобно Петербургу, «город строился, как полк на параде, по струнке» [Лотман, 2002. С. 213; Лурье, 2001. С. 313; Санкт-Петербург, 2003. С. 230–231; Hellberg-Hirn, 1996. С. 68–88].

Частью архитектурного облика города и монументальным выражением могущества империи стали казармы. Вместе с армией в Гельсингфорс прибыла специальная инженерная команда для проектирования и строительства казарм. В конце 1820-х гг. в районе Круунунхака появились казармы для жандармов и казаков, а в начале 1830-х – Абоские казармы на тогдашней окраине города, вблизи дороги, ведущей в старую столицу Финляндии. Самым значительным среди гражданских зданий, возведенных при участии военных инженеров, стал Русский Александровский театр, предназначенный для удовлетворения культурных запросов офицеров гельсингфорсского гарнизона и их семей [Byckling, 2000. С. 3–6; Pakarinen, 1984. С. 99; Käsänen, 1993. С. 6]. Из-за сходства в росписи потолка зала с петербургским прототипом театр называли «малым Мариинским».

Унионская улица, находившаяся в центре города, получила название в честь унии, заключенной в 1809 г. между российским монархом и Великим княжеством. На ней по соседству с казармами был построен русский Военный госпиталь в неоклассическом стиле, дей-

ствовавший в этом качестве до конца апреля 1918 г. [Bonsdorf, Smedslun, 1969. S. 46]. Казарменная улица получила имя от здания Гвардейских казарм, на ней располагался и Гвардейский манеж.

Главным символом императорской власти стал один из красивейших городских ансамблей Европы – монументальный комплекс в стиле ампир – административный центр Сенатской площади. Ансамбль формировался почти полвека с 1818 г., включив здания Императорского Сената и Императорского Александровского университета (канцлерами университета были русские монархи), а также находящуюся чуть поодаль старейшую православную церковь Гельсингфорса – Храм Святой Троицы. С 1852 г. над площадью возвышается здание лютеранского Николаевского кафедрального собора, напоминающего Исаакиевский собор в Петербурге.

Характеризуя морфологию этой части города, исследователь И. Воловик подчеркивает, что она уже не «петербургская», а скорее является воспроизведением «идеальных городов» XVII–XVIII веков. По его наблюдению, Сенатская площадь – это не только пространство перед собором, но и весь примыкающий к нему квартал, застроенный общественными зданиями, отразивший представления, вкусы и стили путешествовавших по Европе градостроителей. Сенатская площадь в Гельсингфорсе стала, таким образом, результатом сочетания архитектурных пристрастий ее создателя, выходца из Германии Карла Энкеля, запросов русского наместника – генерал-губернатора финляндского княжества – «строить по образу и подобию» и веяния времени, делавшего ставку на модную российскую столицу [Воловик, 2011. С. 15–16].

На Торговой площади города с ее Эспланадной пристанью, являвшейся водными воротами Гельсингфорса, приезжего встречали здание Мариинского дворца – финляндской резиденции российского императора и Дом генерал-губернатора княжества. В центре площади возвышался «Камень (или Обелиск) Императрицы», увенчанный позолоченным двуглавым орлом, – первый городской монумент, установленный в 1835 г. в память о посещении Гельсингфорса императорской четой – Николаем I и Александрой Федоровной. Торговая площадь стала традиционным местом появления перед финляндцами российских монархов. Площадь приобрела статус особого, освященного их присутствием, городского пространства, что в 1917 г. делает её особо притягательной для солдат и

матросов, стремившихся «освоить» прежде малодоступную для них имперскую святыню, сделать «своей» территорией.

Уроженка Гельсингфорса А. Йортиikka вспоминала церемонию встречи Николая II и цесаревича Алексея во время приезда августейших особ в финляндскую столицу в феврале 1915 г.: «Помню, как нужно было стоять на Торговой площади, напротив нынешнего президентского дворца, из него вышли царь с сыном, шагали важно, отдавая честь, а мы приветствовали их здравицей в честь Великого князя Финляндского и наследника» [SKS KRA, Side 41: 92]. Финских школьников расставили шпалерами, через которые прошли августейшие гости.

С площади открывался вид на величественный православный Успенский собор из красного кирпича, построенный на скале в конце XIX в. по проекту архитектора А. М. Горностаева, автора многих строений на острове Валаам. У подножия храма можно было видеть еще один монумент имперской культуры города – «часовню мира», установленную в честь заключения мирного договора в 1809 г., по которому Швеция уступила Финляндию России. Часовня должна была служить мерилom исторической памяти подданных Российской империи, подобно упоминавшимся объектам городской среды. Однако этот символ имперской власти нельзя обнаружить на карте современного Хельсинки. Разрушенный после гражданской войны 1918 г., он, по-видимому, больше других ассоциировался с русской властью, которая ушла в прошлое, но еще раз была подвергнута уничтожению, теперь уже ритуальному стиранию. Сходная судьба постигла и православный собор Александра Невского в Свеаборгской крепости, перестроенный сначала в маяк, а затем в лютеранскую церковь.

В августе 1914 г., в первые дни войны, среди населения княжества возникли слухи о том, что Выборг и пол-Гельсингфорса сожжены, крепость Свеаборг, по одной версии, подверглась нападению и взята, по другой – сама расстреливает Гельсингфорс, а его жители «вследствие невероятных притеснений и лишений бегут, причем все это происходит по вине русских, объявивших войну Финляндии» [КА ККК, Fb 916].

Восприятие Свеаборга как символа «русскости» и «имперства» отразилось в апрельской 1918 г. публикации на страницах гельсингфорской шведоязычной газеты "Hufvudstatsbladet". Заметка, появившаяся после занятия Гельсингфорса немецким экспедиционным корпусом, свидетельствует о том, что Свеаборг в воспри-

ятии жителей города был связан с постоянной военной угрозой со стороны России. Автор с удовольствием отмечал: «Свеаборг уже не русский. Весенние ветры с Финского залива обвевают Эренсвардовские бастионы, и потрепанный бело-красный флаг, последний признак русских, указывает на это подчинение». Территория, которая прежде не могла служить местом прогулки репортеров финляндских газет и, вероятно, увиденная автором впервые, даже после вывода войск воспринималась как чужеродный анклав: «Местность производит заметно русское впечатление: церковь и большие белые казармы и офицерские здания. Небольшие низкие дома разбросаны повсюду без всякого плана, часто помещая в себе какую-нибудь лавку и едва ли усиливая собой мощь крепости. Сельская идиллия перемешивается с крепкими военными сооружениями.

Громадные, типично русские кучи отбросов с массой пустых банок из-под консервов близ казематов и погребов с боевыми припасами... На наружных бастионах, откуда видно открытое море, за окопами скрываются замысловатые лафеты, дальнoбойные пушки, с которых заблаговременно были увезены замки, побежденной нации. Некоторые из колоссов еще остаются и глядят в бессильной ярости вдаль за горизонт. Немецкая комендатура железною рукою восстанавливает порядок» [Русский..., 1918. 24 апр.].

А. И. Куприн в начале войны служил офицером в Великом княжестве. Он посещал Финляндию более десяти раз в различные периоды жизни и неизменно относился к ней с любовью [Дубровская, 2012. С. 285–290, Науменко, 2010. С. 731–737, Хеллман, 2001. С. 7–22]. В 1933 г. в последней статье, посвященной стране Суоми, он отметил переплетение «своего» и «чужого» в культуре независимой Финляндии и перечислил те «знаковые» явления, которые «будут надолго, если не навсегда, напоминать ее жителям о русской культуре»: «Это, во-первых, лиственнная аллея, посаженная Петром I в Куоккала, во-вторых, Сайменский канал, где на последнем шлюзе выгравирована четкая надпись «Построен русскими солдатами по повелению Николая I в таком-то году», в-третьих, Свеаборгская морская крепость, в-четвертых, памятник императору Александру II против Сената и в-пятых, Александровская улица, Александрсгатан» [Куприн, 2001. С. 344].

Примечательно, что литератор, хорошо знакомый с историей края, упомянул крепость, построенную шведами в XVIII в., как памятник русского военно-инженерного искусства [Хеллман, 2001. С. 424]. Рядовые же военнослужа-

щие безоговорочно воспринимали Свеаборг как «освоенное» пространство, «островок» России, защищенный от внешнего, подчас враждебного мира.

В то же время для армейцев и экипажей кораблей Гельсингфорс был самым желанным местом отдыха. Матросы, получившие увольнение на берег, сначала попадали в порт, а затем расходились по знакомым им в городе местам. Самым привлекательным из таких мест являлся приморский парк развлечений Брунс-парк, располагавшийся вблизи порта и предлагавший военным служащим широкий спектр развлечений [Бажанов, 2007. С. 70].

Как уже было отмечено, «иностранный» характер города беспокоил армейское и флотское командование. По воспоминаниям капитана 1-го ранга С. Н. Тимирева, флаг-капитана командующего Балтийским флотом, Гельсингфорс считался среди русских офицеров «центром германского шпионажа и разрушительной революционной работы». Одной из причин такого предубеждения стал «состав населения», говорящего «на чуждом языке» и «в некоторых своих слоях настроенного германофильски». Опасение вызывала и «продолжительная стоянка больших кораблей» в Гельсингфорсе. По словам С. Н. Тимирева, частые посещения матросами берега давали агитаторам «полную свободу ведения самой широкой революционной пропаганды среди команд» [Тимирев, 1998. С. 71].

Однако возможностей сойти на берег у матросов было не так много, в частности, на 1-й бригаде линейных кораблей их увольняли в город раз в 7–10 дней. Один раз в неделю команда того или иного корабля в качестве поощрения за службу выводилась в Гельсингфорс «на прогулку», и это становилось настоящим парадом моряков, проходивших через весь город [Бажанов, 2004. С. 155–157].

Зачастую парады русских войск, призванные продемонстрировать силу режима, воздействовали на эстетические чувства населения, не искушенного в политике, вдохновляли эмоционально, а военные оркестры оживляли жизнь гарнизонных городов, влияли на музыкальную культуру великокняжеской столицы [Luntinen, 1997. P. 406].

Однако проявляемое русскими властями в разгар борьбы с т. н. «панфеннизмом» пренебрежительное отношение к ценностям национальной культуры не оставалось незамеченным жителями Гельсингфорса. Заложниками в этих столкновениях становились российские военные. Финская интеллигенция, прежде всего шведоязычная, настроенная антирусски, обви-

няла их в непочтительном отношении к национальным святыням.

В марте 1914 г. в газете “*Nya Pressen*” появилась заметка «Русские войска поют на улицах». Автора возмущало, что в финляндской столице «русские военные, кажется, считают ул. Рунеберга подходящей для своих променадов»: «в двенадцатом часу дня команда солдат, распеваящих во все горло, прошла по северной Эспланаде мимо памятника Рунебергу на Казарменную ул. Нужно бы как можно скорее положить конец этому, почти что ежедневному пению и галдежу войск на улицах нашей столицы» [*Nya Pressen*. 1914. 6 Mars.]. В шведской “*Hufvudstadsbladet*” некий «Гражданин», как сообщила «Финляндская газета», выражал негодование по поводу того, что русские моряки стали пользоваться Железнодорожной (Вокзальной) площадью для своих занятий: «Движение на самых оживленных частях города прерывается на несколько часов к большому неудобству публики и к весьма малому удовольствию тех, кто живет у нашей центральной площади». Полемизируя с автором, правительственная «Финляндская газета» писала: «Добрая часть этих мест учений бывает заполнена толпой городских обывателей, которым, судя ещё и по доброжелательному выражению их лиц, учения эти вовсе не неприятны» [Финлянд. газ. 1914. 8 (21) марта].

Так или иначе, Гельсингфорс оставался для военнослужащих особым, отчужденным от русского культурного контекста миром, и не только в силу иноязычного окружения. Оппозиция «восток/запад» на уровне восприятия символов остро ощущалась выходцами из России, несмотря на государственную и имперскую семиотику центра великокняжеской столицы. С конца XIX в. в Гельсингфорсе строились здания с высокими башнями и толстыми стенами из серого гранита в национально-романтическом направлении северного модерна. Этот стиль получил, как и в Германии, название «югенд». Над городом возвышалась католическая церковь Св. Генриха в Кайвопуйсто, немецкая кирха, огромная Бергхальская церковь. Необычными казались здание Рыцарского зала в неоготическом стиле, украшенные растительным и животным орнаментом здания Национального музея и Национального театра, «Фонтан Вальгрена» – скульптурный комплекс «Хавис Аманда» на Торговой площади, ставший символом города, и монумент жертвам кораблекрушения на холме вблизи Обсерваторской горки. С пьедесталов памятников смотрели незнакомые российским военным изваяния – собиратель рун карело-финского эпоса и создатель эпической

поэмы «Калевала» Элиас Леннрот, Фредрик Па-циус, написавший музыку национального гимна «Наш край», поэт-классик Йохан Людвиг Рунеберг, автор текста гимна.

К весне 1917 г. концентрация войск в финляндской столице значительно увеличилась. Еще в марте 1915 г. в Свеаборге насчитывалось 4 тыс. военнослужащих. В казармах на территории Гельсингфорса, в его окрестностях и на островах, составлявших линию обороны города и крепости, – до 5 тыс. чел. Согласно приказу № 92 по Свеаборгской крепости к 4 марта 1917 г. численность сухопутных войск, размещенных в городе и крепости, выросла до 20 698 чел. [Eerola Ja., 1995. Liite 2].

Из-за недостатка казарменных помещений они занимали здания финских народных школ, где размещались все батальоны пехотных 510-го Волховского и 511-го Сычевского, роты 428-го Лодейнопольского и 509-го Гжатского полков [Eerola Ja., 1995. Liite 7; Звонарев, 1917. С. 2].

Военнослужащие «осваивали» новые городские пространства. Иногда «освоение» приводило к курьезам, подобно тем, о которых рассказала уроженка Гельсингфорса А. Йортиikka в воспоминаниях о своем детстве (предположительно они связаны с солдатами 2-го Свеаборгского артиллерийского полка, одна из его рот стояла в районе городского кладбища): «Поскольку кладбище Хиетаниemi располагалось поблизости, то солдаты заходили туда – посмотреть и полюбоваться красивыми траурными лентами на венках. Мы ходили поглядеть, как они живут в лагере. Видели, как они разожгли костер, спилили дерево, увидев нас, они заулыбались, т. к. смогли обратиться к нам по-фински»: солдаты произнесли расхожее финское ругательство, по-видимому, единственное из известных им выражений, «а потом пришел еще один солдат, на шее которого красовалась ленточка от венка с надписью “Последний привет от семьи Лунден”» [SKS KRA, Side 41. S. 95].

Военные «осваивали» территорию мест погребения и в прямом, и в переносном смысле. Дети наблюдали церемонию проводов простых деревянных гробов, «в сопровождении 6–8 русских солдат и команды трубачей, игравших русский боевой гимн», на близлежащее кладбище [SKS KRA, Side 41. S. 95]. С начала войны в больницах Великого княжества выделили несколько сотен коек для раненых. Солдат и офицеров с фронта привозили на лечение в Гельсингфорс [Соломещ, 1992. С. 24]. Умерших же хоронили на русском военном кладбище. По воспоминаниям А. Йортиikka, погребение

«знати и офицеров» проходило на русском православном кладбище в Лаппинлахти. Как отметила архангелогородская исследовательница А. Н. Соловьева, историческая память о местах погребений «надолго остается источником знаний и эмоций, а эстетика ландшафта становится источником как художественного, так и политического выражения», вот почему «ситуации возрождения былого знания или его реконструкции также становятся контекстом объединения знания и эмоции, на этот раз в связи с чувством ностальгии» [Соловьева, 2006. С. 90].

Гельсингфорс был городом многонациональным и поликонфессиональным. Среди мигрантов из России русские составляли самую многочисленную этническую группу. Но вместе с войсками в Финляндию прибывали уроженцы прибалтийских губерний, поляки, евреи, татары. Мусульманские и еврейские кладбища, однако, в отличие от православных не разделялись на «офицерские» и «солдатские». За более чем вековой период кладбища, где покоились сотни соотечественников [Halen, 2001. S. 6–168], становились для военнослужащих «кусочком» российской территории и неофициальным местом поклонения далекой родине.

Другим местом, напоминавшим солдатам о России, но не наделявшим сакральным смыслом, стали безлюдные скалы в живописных окрестностях города, которые солдаты и матросы называли «Карпатами». Как свидетельствует карикатура «Веселье на Гельсингфорских Карпатах», помещенная в матросском литературно-художественном журнале «Моряк», это было излюбленное место досуга, которое в 1917 г. в обстановке наступившей «свободы» стало синонимом веселого времяпровождения с игрой в «орлянку» и алкогольными излишествами [Моряк. 1917. № 4. С. 95].

«Карпаты», как и другие городские пространства, удаленные от парадных улиц и площадей (парки Кайсаниemi, Хисперия (Цисперия)), воплощали представления военнослужащих о символике «периферии», оппозиционной официальному «центру», с допустимыми для маргинальных территорий нарушениями поведенческих норм, функционированием бытовых практик «социальных низов», криминогенностью. Об этом сохранилось множество свидетельств. Показательны звучавшие весной 1917 г. призывы читателей гельсингфорских и абоских «Известий» не допускать действий, позорящих «революционные войска и юную обретенную свободу» [КА, д. 11970; РГА ВМФ, ф. Р-315, оп. 1, д. 21].

С маргинальным статусом жителей окраин, социальными низами и девиантным поведением ассоциировались у военнослужащих разные «кофейни», воспринимавшиеся как «нечистые» места городского пространства. В письмах в редакцию «Известий Гельсингфорсского совета», обнаруженных в коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии и в фонде РГА ВМФ, приводятся адреса таких заведений, где собирались и финны, и русские солдаты и матросы. Невзирая на запреты, там производилась продажа крепких напитков, процветала проституция, а бродячие торговцы сбывали всевозможные вещи, преимущественно краденые. Авторы заметок предостерегали от посещения таких мест, где «зараженная атмосфера спиртом», советовали не ходить на знаменитый гельсингфорсский рынок возле Абоских казарм, на котором из-под полы велась торговля обмундированием и казенным имуществом.

Примечательно, что обсуждение матросами и солдатами первых неофициальных сведений о революции в Петрограде происходило 3 марта 1917 г. в «известных столовых и кофейнях», в этом маргинальном пространстве города. Здесь нижние чины собирались группами в 5–12 человек, договаривались выступить на следующий день по орудийному сигналу [Грикри, 1918. С. 127]. Такое же постановление вынесли участники матросского митинга за Петроградским мостом [РГА ВМФ, ф. Р-315, оп. 1, д. 120, л. 36].

С «периферии» Гельсингфорса, какой оставались в представлениях военнослужащих разбросанные по городу казармы, кофейни и отдаленные места проведения митингов, составшим предстояло двинуться в центр финляндской столицы, воспринимавшийся как двойник имперского Петрограда, который надо было завоевать. Первые сведения о событиях в имперском центре России просачивались в виде слухов и порождали страх, тревогу и неуверенность. Поиск «врага» переносился извне вовнутрь окружения военных, и врагом мог оказаться каждый.

С утра 4 марта в центр великокняжеской столицы стали стекаться колонны рядовых военнослужащих. Их прохождение через «сакральные» точки пространства города стало явным нарушением приказа высшего флотского начальства. Это была демонстрация символической «сопричастности» к революционным событиям в Петрограде и формой протеста против недостаточного информирования о них со стороны командующего флотом А. И. Непенина, ко-

торый попытался удержать матросов и солдат «вне политики».

Прежнее противостояние имперского/финляндского в политической топографии Гельсингфорса усиливалось новой оппозицией буржуазного/демократического, и эта оппозиция проявлялась как на уровне символического пространства, отделявшего «центр» города от его «окраин», так и на уровне ритуала-шествия, в который вовлекались «свои» и которым отторгались «чужие».

В контексте событий, осмысливавшихся как символически переходные, поведение людей – групповое, индивидуальное, на уровне лидеров – было повышено семиотичным. Поэтому в, казалось бы, привычных и знакомых картинах повседневной жизни городского центра рядовые усматривали особый смысл покушения на завоеванное пространство и восстановления того, «что было прежде». Летом 1917 г. к этой будничной жизни кто-то относился с яростным негодованием, кто-то – с иронией и сарказмом, которые чувствуются в стихотворении В. Фролова. Автор, служивший писарем в Свеаборге, в 1917 г. опубликовал в Гельсингфорсе несколько стихотворных сборников. В стихотворении «Штрихи», написанном в форме шутивного послания «дядюшке», он дал картинку повседневной жизни крепости и показал беспокойную обстановку в Гельсингфорсе:

«...Если в город приезжаю,
То брожу по Эспланадной
Среди публики нарядной.
Вечно ясная погода.
Много праздного народу.
Повергают в умиление
Мою душу, наслажденье
Навевает мне бряцанье
Шпор военных...
...Ах, забыл, со дня восстанья
В Петрограде к нам вниманья
Здесь немало проявили.
Офицеры порешили
На другой же день согласно,
Что служить без них [погон – Е.Д.]
– ужасно,
И с девизом «Единенье!»
Нацепили украшенья
Все зараз к себе на плечи,
Но... опасны эти речи...».

[Фролов, 1917. С. 22]

В стихотворении звучат отголоски перипетий «погонной революции», потрясавшей Балтийский флот в апреле 1917 г. и ставшей едва ли не самым ярким проявлением разрушительных действий восставших по отношению

к прежним символам господства/подчинения [Колоницкий, 2001а. С. 18–28]. Ношение погон балтийскими моряками было отменено приказом № 125 нового командующего флотом А. С. Максимова от 15 апреля [Колоницкий, 2001б. С. 162–197]. Отчасти это было продиктовано необходимостью избежать случаев насилия над офицерами, подобных тем, что стали печально известны всей стране в связи с расправами на кораблях и в городе 4–5 марта.

Жители финляндской столицы обнаруживали последствия нововведений буквально «под ногами» на улицах Гельсингфорса. Согласно апрельской дневниковой записи И. И. Ренгартена, «командующий флотом и комендант крепости издали приказы, и это было приведено в исполнение. Но при этом сделали уличный беспорядок: улицы Гельсингфорса полны груд матросских и солдатских погон – они снимают их с себя и друг с друга и бросают на мостовую. Со встречных офицеров, еще не знавших о приказе, тоже снимали погоны – вообще, это явное желание унижить» [РГА ВМФ, ф. Р-29, оп. 1, д. 220, л. 22].

Обращаясь к солдатам и матросам, свеаборгский артиллерист Д. Усов убеждал: «мы теряем достоинство, останавливая на улицах Гельсингфорса своих товарищей – солдат, матросов и офицеров, срезая с плеч погоны без всякого на то основания от представителей наших депутатов. Почему бы не вынести распоряжение снять погоны через комитет? Совестно это делать свободному гражданину, портить своему же товарищу одежду», ведь «через постановление депутатов погоны сняли бы все без исключения сами» [Известия..., 1917. 20 апр.].

Однако ритуализированный характер девинантного поведения на улицах Гельсингфорса, все-таки воспринимавшегося военнослужащими как «чужое» пространство, строился на отрицании обычных этических норм. Стратегия такого поведения, ориентированная на нанесение оскорбления явным или мнимым приверженцам самодержавной власти, должна была «принизить» социальный статус противника. Срезание погон и демонстративное их выбрасывание подразумевало не только «очищение» от символов прошлого.

Границы между «своим» и «чужим», установившиеся в первые дни революции, по прошествии времени утрачивали силу и оказывались размытыми. Наряду с семантикой разграничения «освоенного» и «неосвоенного» и десакрализацией морально устаревших символов царской армии срезание погон и их ниспровержение на мостовую (сходное с популярным

в плакатной символике мотивом «попирания разбитых цепей») служило восстановлению нарушенных связей внутри сообщества моряков и армейцев перед лицом враждебного внешнего мира.

Отрицание этикетного поведения, в том числе и на улице, воспринималось ими на фоне особой значимости упорядоченной жизни финляндской столицы. Шокировавшее очевидцев стремление рядовых двигаться по проезжей части, а не по тротуарам, достигало такого эффекта потому, что прежде контроль за соблюдением порядка передвижения в великокняжеской столице возлагался именно на военных.

Подобное поведение, входящее в кодекс поведения захватчика на оккупированной территории, все же не было типичным для солдат и матросов, остававшихся в бывшей великокняжеской столице вплоть до вывода российских войск из Финляндии весной 1918 г. Их больше беспокоила пусть даже мнимая опасность утраты уже «освоенных» ими городских пространств и объектов. Подозрения в «покушениях» такого рода вызвали ярость рядовых по отношению к офицерам и военным чиновникам. Осенью 1917 г. перипетии возникли между членами гельсингфорского Матросского клуба и врачами морского госпиталя.

В представлениях рядовых военнослужащих «освоенные» городские объекты бывшей великокняжеской столицы тесно связывались с завоеваниями революционного времени и становились символами этих завоеваний, которые необходимо было уберечь от поглощения «чужой» средой. Угроза им виделась не столько со стороны внешнего противника, сколько от «внутреннего врага» в собственном окружении. Вражеские аэропланы и опасность, которую нес неприятель городу, воспринималась как намного меньшее зло по сравнению с «происками» командного состава российской армии и флота, а любые действия офицеров неизбежно предполагали «презумпцию виновности».

В заключение следует отметить, что Гельсингфорс, ставший столицей Финляндии вскоре после ее присоединения к России, изначально строился как город, не связанный с памятью о шведском прошлом. К концу XIX в. он сам стал символом имперской власти в Великом княжестве, противопоставлявшимся прежней древней столице Або (Турку). В его архитектуре и планировке имперская и административная символика поддерживали друг друга и должны были напоминать российским военнослужащим о могуществе и величии государства, на страже которого они призваны были стоять

здесь, в Финляндии, прикрывая с моря столицу империи.

Служившим в Гельсингфорсе офицерам, солдатам и матросам во время увольнения в город приходилось «обживать» незнакомую территорию с ее площадями, улицами, парками, привыкать к иноязычным топонимам и выстраивать свои отношения со зданиями, памятниками и другими объектами городской среды. Многие из пространств города носили русские названия, другие же неофициально переименовывались военными по ассоциации со знакомыми местами, прежде виденными в России (знаменитые «Карпаты» в Брунс-парке).

Постепенное освоение города позволяло военнотрудовому составить семиотическую «шкалу ценностей» различных точек на плане Гельсингфорса. Символические противостояния, в том числе и на уровне городского пространства финляндской столицы, стали частью Первой мировой войны наряду с конфликтами между военными и гражданской администрацией Великого княжества, с насаждением чрезвычайных мер военного времени в качестве государственной политики и общей атмосферой взаимного недоверия между российскими военнотрудовыми и жителями Финляндии.

В условиях снижения привычной воинской дисциплины и в соответствии с представлениями рядовых о наступившей «свободе» пространство города подчас воспринималось ими как место проведения ежедневного праздника с импровизированными представлениями, привлекавшими как военнотрудовых, так и горожан. Подобные «карнавальные» представления с участием казаков-кубанцев летом 1917 г. в течение нескольких дней разворачивались вблизи Артиллерийских казарм и завода Николаева.

Один из трех казаков, «испачкавших лица сажей», по свидетельству очевидца, «одевал на себя искусственное изображение лошади» и «представлял коня и всадника одновременно», «показывал, как лошадь пьет», двое других «погоняли его хворостиной», пытаясь продать «хорошую кобылку» проезжавшим мимо на извозчике финнам, а те «торговались», зараженные общим весельем [КА, д. 11970].

И горожане, и российские военные – недавние подданные империи, почувствовавшие себя гражданами, зачастую воспринимали политический переворот как ритуальное праздничное «действие», в которое включалось городское пространство финляндской столицы.

Литература

Бажанов Д. А. Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегод. междунар. науч. конф. СПб.: Изд.РХГА, 2004. С. 155–164.

Бажанов Д. А. Щит Петрограда: служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 224 с.

Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. докум. М.; Л.: Наука, 1957.

Башмаков Н., Лейнонен М. Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939 // *Studia Slavica Finlandensia VII* / Eds. V. Melanko, A. Mustajoki, E. Peuranen. Helsinki, 1990. 100 с.

Воловик И. Городская партитура // Воспоминания о Гельсингфорсе. Историко-литературный очерк / Ред. Л. Коль. Helsinki: LiteraruS, 2011. С. 13–20.

Гри-Кри. Две встречи // Моряк. 1918. № 6. 2 марта.

Дубровская Е. Ю. Население Финляндии и российские военные: проблемы взаимного восприятия в годы Первой мировой войны // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 80–89.

Дубровская Е. Ю. Проблемы российско-финляндского приграничья начала XX в. и этнический образ финна в курсах по истории родного края // Историческое краеведение в Карелии: учеб. пособие. Петрозаводск: КГПА, 2012. С. 282–291.

Звонарев Г. Наши пехотные части в Гельсингфорсе (Из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского). Гельсингфорс, 1917. 23 с.

Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917.

Клинге М. Имперская Финляндия / [Пер. с фин.]. СПб.: Изд. дом «Коло», 2005. С. 545–588.

Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб.: Остров, 2001. 83 с.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции / Ред. В. Ю. Черняев. СПб.: Дм. Булантин, 2001. 349 с.

Куприн А. И. Немножко Финляндии // Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии... СПб.: Журнал «Нева», 2001. С. 313–344.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб: Искусство–СПБ, 2002. С. 208–220.

Лурье Ф. М. Архитектурные ландшафты Петербурга (печатная графика) // Феномен Петербурга / Ред. Ю. Н. Беспятых. СПб.: БЛИЦ, 2001. С. 304–315.

Науменко В. Г. «Здесь, на конце России исполинской...» Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX века. Ярославль: Ремдер, 2010. 840 с.

Погребов С. Кому служила крепость Свеаборг? // Воспоминания о Гельсингфорсе: историко-литературный очерк / Ред. Л. Коль. Helsinki: LiteraruS, 2011. С. 104–118.

Расила В. История Финляндии / Ред. Л. В. Суни. Петрозаводск: ПетрГУ, 1996. 294 с.

Российский государственный архив Военно-морского флота (в тексте – РГА ВМФ).

Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003. 760 с.

Соболев Л. С. Капитальный ремонт. Роман: в 2-х ч. М.: Совет. Россия, 1977. 416 с.

Соловьева А. Н. Ландшафт: память и история в антропологической перспективе // Поморские чтения по семиотике культуры. Сакральная география и этнокультурные ландшафты народов Европейского севера. Архангельск: Помор. ун-т, 2006. С. 83–93.

Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. 90 с.

Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера. СПб.: Изд. альманаха «Цитадель», 1998. 191 с.

Фролов В. На заре (стихотворения). Гельсингфорс, 1917. 40 с.

Хеллман Б. Александр Куприн в Хельсинки // Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии... СПб.: Журнал «Нева», 2001. С. 7–22, 345–424.

Bonsdorf B., Smedslun T. Helsingin Venäläinen Sotilassairala. Helsinki, 1969.

Byckling L. Aleksanterin Teatteri 120 vuotta. Helsinki: SKS, 2000. 28 s.

Eerola Ja. ”Siunattu olkoon turvamme tuoja...” Upseereihin kohdistunut väkivalta Helsingin venäläisessä varuskunnassa helmikuun vallankumouksen 1917 aikana. Helsingin yliopisto. Humanistinen tiedekunta, Historian laitos. Pro-gradu työ, 1995. 178 s.

Halen H. Helsingin venäläinen sotilashautausmaa Taivallahdessa 1826–1918. Kalmisto ja vainajat. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2001. 182 s.

Hellberg-Hirn E. Символика Петербурга: тема пространства // Studia Slavica Finlandensia. T. XIII. 1996. С. 68–88.

Kansallisarkisto (в тексте – КА).

Käsänen A. Bulevardin ooperatalo tyhjenee ensi kesänä // Helsingin Sanomat. 1993. 13.01. S. 6.

Luntinen P. The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.

Pakarinen R. The Russian builders of Helsinki // Venäläisyys Helsingissä 1809–1917. Helsinki: Helsingin kaupungin museo, 1984. S. 98–99.

Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kansanrunous Arkisto (в тексте – SKS KRA).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дубровская Елена Юрьевна

старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: dubrovskaya@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 577758

Dubrovskaya, Elena

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: dubrovskaya@krc.karelia.ru
tel.: (8142) 577758